

И. В. Силантьев

ГАЗЕТА И РОМАН

Риторика дискурсных смещений

STUDIA PHILOLOGICA

Игорь Силантьев

**Газета и роман: Риторика
дискурсных смешений**

«Языки Славянской Культуры»

2006

Силантьев И. В.

Газета и роман: Риторика дискурсных смещений /
И. В. Силантьев — «Языки Славянской Культуры», 2006

В книге на основе единого подхода дискурсного анализа исследуются риторические принципы и механизмы текстообразования в современной массовой газете и в современном романе. Материалом для анализа выступают, с одной стороны, тексты «Комсомольской правды», с другой стороны, роман Виктора Пелевина «Generation “П”». В книге также рассматриваются проблемы общей типологии дискурсов. Работа адресована литературоведам, семиологам и исследователям текста.

© Силантьев И. В., 2006

© Языки Славянской Культуры, 2006

Содержание

Введение	6
Дискурс	6
Тело дискурса	7
Высказывание	8
Высказывание и текст	10
Жанр	11
Жанр и дискурс	12
Дискурсные роли	13
Множественность дискурсов	15
Интертекстуальность vs. интердискурсивность	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

И. В. Силантьев

ГАЗЕТА И РОМАН

Риторика дискурсных смешений

«Чтобы можно было, отложив роман, читать свежую и несвежую газету, и наоборот, отложив газету, полагать, что и не прерывались читать роман...»

Андрей Битов, «Пушкинский дом»

Игорь Витальевич Силантьев

родился в 1960 году. Доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института филологии Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Новосибирского государственного университета. Главный редактор журнала «Критика и семиотика».

Автор книг «Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе» (Новосибирск, 1996), «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике» (Новосибирск, 1999), «Мотив в системе художественного повествования. Проблемы теории и анализа» (Новосибирск, 2001), «Поэтика мотива» (М., 2004).

Введение

Дискурс

Человеческое общение не хаотично. Оно организуется и оформляется по-разному в зависимости от участников, целей, предмета и ситуации общения, в зависимости от социальных норм и культурных традиций. Каждый из нас владеет своим репертуаром коммуникативных практик. Мы о разном и по-разному говорим и пишем (а также слушаем и читаем) в кругу родных и друзей, на работе, на улице, на официальных приемах, в театре, университете, церкви. Термин «дискурс» на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения¹. В многогранной реальности жизни, в ее разносторонних публичных и частных сферах мы являемся активными участниками различных и многих дискурсов – обиходного, официального, образовательного, научного, политического, публицистического, религиозного, эстетического и других.

---

¹ См. фундаментальные обзоры лингвистических и культурологических концепций дискурса в работах: *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000. С. 5—18; *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003. С. 83—99; *Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 226—239.

Тело дискурса

Метафора тела в заголовке заимствована из языка программистов, которые говорят о «теле» алгоритма, взятом вне охватывающих его скобок различных служебных знаков и помет. Прямой и очевидный смысл этой метафоры здесь – это «то, из чего, собственно, состоит», или «то, что составляет» дискурс в предложенной выше трактовке этого понятия. Данная смысловая формула, в свою очередь, развивает семантическое поле нашей метафоры – теперь в ней легко ощутить привкус медицинских коннотаций: тело дискурса (для нас) – не целостное и замкнутое для проникновения, а открытое для расклада частей, их исчисления, анализа, интерпретации и инвентаризации.

Итак, из чего непосредственно состоит дискурс? С учетом основополагающих представлений о дискурсе, выдвинутых М. Фуко², ответ может быть таким: тело дискурса – это открытое множество *высказываний*, как осуществленных в практике коммуникации, так и возможных, предосуществленных – однако высказываний не любых, а построенных в системе силовых линий социокультурного поля данного дискурса. В последнем отношении предложенное понимание дискурса не противоречит известным формулам Ц. Тодорова о дискурсе как структуре «после языка, но до высказывания»³ и Ю. С. Степанова о дискурсе как «особом использовании языка ... для выражения особой ментальности», а также «особой идеологии»⁴, или как о «языке в языке», «представленном в виде особой социальной данности»⁵.

---

² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 63—71; 96—97; 117—118.

³ Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. С. 367.

⁴ Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 37.

⁵ Там же. С. 43.

Высказывание

Всякий ответ содержит новый вопрос. Мы выделили слово *высказывание* курсивом, это обязывает к очередному определению. В рамках бахтинской трактовки высказывания, сформулированной ученым в работе «Проблема речевых жанров»⁶, мы можем определить высказывание как целостную единицу общения, характеризующуюся такими базовыми свойствами, как *информационная, интенциональная и композиционная* завершенность (о *композиционных* свойствах высказывания будет сказано несколько ниже, в разделе о жанре).

Универсальное качество информации очень точно (и адекватно общегуманитарной парадигме) определяет В. И. Тюпа: «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем»⁷. При этом нужно иметь в виду, что информативно не только взаимодействие (или, для нас, дискурсивное соположение) двух формально внешних по отношению друг к другу моментов – информативно и соположение частей внутри целого, частей, которые это целое, охватывая их общими границами в дискурсе, вынуждает тем самым входить в отношения соположения. Это значит, что всякое высказывание внутренне диалогично уже в силу своей информативности: в нем сочетаются и взаимодействуют два плана – как представители «взаимодействующих систем» – план *темы* и план *ремы* (ср. наблюдения М. М. Бахтина о внутренней диалогичности словосочетания «все высокое и прекрасное»⁸).

Для примера сравним три высказывания, развернутые в плане прямой и единственной интенции информирования:

«*Топор – это инструмент*». Здесь все в порядке: налицо *неполный* («локальный») изоморфизм темы и ремы; высказывание вполне информативно.

«*Топор – это топор*». Перед нами ситуация *полного* изоморфизма темы и ремы; высказывание неинформативно.

«*Топор – это кокетка*». Это ситуация *полного отсутствия* изоморфизма темы и ремы; высказывание также неинформативно (если только не принимать во внимание процедуру вынужденного «наведения смысла» (в том числе переносного) воспринимающим сознанием – процедуру, посредством которой сознание как бы защищается от нежелательной (неконструктивной в плане естественного поиска смысла) неинформативности).

В порядке любопытного художественного примера отсутствия изоморфизма как основы полной неинформативности приведем текст из романа Виктора Пелевина «Generation “П”», который выступит объектом нашего анализа во второй части книги: «Гиреев поразил его (Татарского. – И. С.) своим нарядом – синей рясой, поверх которой была накинута расшитая непальская жилетка. В руках он держал что-то вроде большой кофемолки, покрытой тибетскими буквами и украшенной цветными лентами, ручку которой он вращал; несмотря на крайнюю экзотичность всех элементов его наряда, в сочетании друг с другом они смотрелись настолько естественно, что как бы нейтрализовывали друг друга. Никто из прохожих не обращал на Гиреева никакого внимания: *подобно фонарному столбу или рекламе «Пепси-колы», он выпадал из поля восприятия из-за полной визуальной неинформативности* »

(48⁹; курсив наш. – И. С.). «Визуальная неинформативность» Гиреева, очевидно, есть результат полного отсутствия изоморфизма между ним и окружающим миром.

⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 245—280.

⁷ Тюпа В. И. Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс – 2/96. Новосибирск, 1996. С. 12.

⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 286.

⁹ Здесь и ниже текст романа цитируется по изданию: В. Пелевин. Generation «П». М.: Вагриус, 2003, с указанием страниц в скобках.

Вернемся к теме. Другой вектор коммуникативной завершенности высказывания определяется его интенциональностью. Интенциональная структура высказывания может рассматриваться в рамках достаточно сложной и многоуровневой модели, как, например, у П. Ф. Стросона¹⁰. Не углубляясь в общую теорию интенциональности¹¹, обозначим это понятие в его существенности для нашего исследования: интенция – это коммуникативное намерение, которым сопровождается высказывание в общении¹².

Интенций высказывания может быть несколько и много, они могут быть разнохарактерные и разноуровневые по отношению друг к другу. Даже в простейшем, на первый взгляд, высказывании «Извините, могу ли я поинтересоваться, что Вы читаете?», обращенным мужчиной к симпатичной незнакомке, например, в салоне самолета, содержится ряд интенций, среди которых интенция прямой просьбы проинформировать занимает не самое важное место, а то и совсем ничего не значит. Обратное не работает: вне интенционального поля высказывание невозможно, оно тем самым теряет свой актуальный коммуникативный статус и превращается в абстрактное предложение (ср. знаменитое букварное «Мама мыла раму»). Другое дело, что важно правильно определить собственные границы высказывания, которые, естественно, далеко не всегда совпадают с границами лингвистического предложения: то же самое «Мама мыла раму», будучи одним из составных моментов букваря как сложного обучающего *высказывания-учебника*, попадает в общее интенциональное поле букваря и наделяется в нем подчиненной интенцией учебного примера.

Понятие интенции соотносимо с понятием коммуникативной стратегии, которое в настоящее время в различных аспектах разрабатывается в коммуникативной лингвистике¹³, риторике¹⁴ и нарратологии¹⁵.

Применительно к категории дискурса мы рассмотрим это понятие ниже, здесь же сформулируем завершающий тезис данного раздела: оба вектора коммуникативной завершенности высказывания – информативный и интенциональный – в совокупности образуют его *актуальный смысл*, равно – но по-разному – обращенный к адресанту и адресату высказывания.

¹⁰ Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 151—170. См. обзор современного состояния проблемы интенциональности, составленный Т. Н. Ушаковой (Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000. С. 28—39), а также в работе: Макаров М. Л. Основы теории дискурса. С. 35—38.

¹¹ См.: Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22—129; Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Там же. С. 170—194; Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217—237.

¹² Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) // Русский язык за рубежом. 1993. № 5—6. С. 75—82.

¹³ Яко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

¹⁴ Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации. М., 1997.

¹⁵ Тюпа В. И. 1) Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 5—31; 2) Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 66—87; Кузнецов И. В. Проблема жанра и теория коммуникативных стратегий нарратива // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 61—70.

Высказывание и текст

Неотъемлемым качеством высказывания как единицы общения является его коммуникативная актуальность, его локализация в зоне актуальности коммуникативной ситуации. При этом сама зона актуальности может быть предельно различной – от моментального «здесь и сейчас» в повседневном дискурсе до монументального (либо в своей наивности, либо в лживости) «всегда и везде» дискурсов, встроенных в различные этажи духовной культуры и деятельности общества.

Текст – это высказывание, проецированное (нередко при помощи какой-либо дополнительной системы обозначений и фиксации в иной, более устойчивой материальной среде) в рамки *отложенной*, отстоящей во времени или пространстве коммуникации, а значит, это высказывание, в котором его коммуникативная актуальность носит не столько наличный, сколько потенциальный характер. Это значит, что в тексте актуальность высказывания уходит в план его интенциональной структуры.

Таким образом, неправильна формальная точка зрения, сводящая феномен текста только к моменту фиксации высказывания на каком-либо материальном носителе (бумага, глина и т. п.) при помощи определенной системы обозначений (например, системы письма).

Высказывание и текст суть две стороны одного целого¹⁶, но это две различно акцентированные стороны: высказывание коммуникативно актуально, текст – коммуникативно потенциален. В то же время это значит, что высказывание *неотделимо* от своего текста в силу самого принципа своего осуществления. Наиболее отчетливо это видно в пластическом искусстве: что в скульптуре высказывание и что ее текст?

Другое дело, что высказывание, взятое в аспекте своей текстуальности, т. е. в своей обращенности к отложенной коммуникативной ситуации, может не вписаться в нее, не воплотить свой потенциал в смысл, свою интенцию в актуальность. И тогда высказывание умрет, раз или навсегда, и текст станет его могилой и его *памятником* (это словечко, кстати, весьма характерно для традиции изучения древних культур и литератур – но именно потому, что в этих традициях имеют дело с мертвыми высказываниями и произведениями, мертвыми языками и дискурсами).

Существенным является вопрос об отношении текста к дискурсу. В принципе, это отношение опосредовано моментом высказывания¹⁷. Дискурс, как мы определяли выше, как таковой состоит из высказываний (это два первичных в своей природе коммуникативных феномена), и, вслед за высказыванием, продолжает себя и возобновляет себя в текстах – всякий раз обновляясь при этом: «... воспроизведение текста субъектом ... есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения»¹⁸. Следует только учитывать качественную меру этой закономерности: понятно, что дискурсы устной сферы общения (повседневный, многие тематические и многие профессиональные) опираются по большей части непосредственно на высказывания, которые не нуждаются в текстах. Понятно и обратное: дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания, образующие «тела» таких дискурсов, изначально рождаются в текстах.

---

¹⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 282.

¹⁷ Ср.: Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5.

¹⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 284.

Жанр

Рассмотрим отношение категории жанра к категориям высказывания, текста и дискурса.

По существу, жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса. Если это так, то по каким параметрам высказывания группируются в жанры? Каковы, другими словами, их характерные жанровые признаки?

Выделим две группы таких признаков: коммуникативные и текстуальные.

Коммуникативные признаки жанра охватывают интенциональное разно– и единообразие высказываний дискурса. Собственно говоря, именно по параметру коммуникативных интенций М. М. Бахтин выделял речевые жанры – первичные по отношению к другим в той мере, в какой повседневный дискурс первичен по отношению к дискурсам профессии и культуры. Соответственно, мы можем говорить о таких жанрах повседневного дискурса, как вопрос и ответ, приветствие и прощание, просьба и приказ, поздравление, сожаление и соболезнование и т. д. Сами названия таких жанров суть не что иное, как базовые интенции, сопровождающие высказывания в рамках данных жанровых групп.

Вслед за П. Ф. Стросоном¹⁹, в коммуникативном аспекте жанра можно различать собственно интенциональную и конвенциональную составляющую. Например, *лекция* как жанр университетского образовательного дискурса интенциональна постольку, поскольку направлена на передачу фиксированного в определенных дисциплинарных рамках знания лицам, обучающимся в учебном заведении. При этом данный жанр конвенционален постольку, поскольку в рамках описанной выше интенции предполагает от участников дискурса определенное коммуникативное поведение: преподаватель должен излагать некое новое знание, а студенты должны внимать преподавателю, при этом студенты могут задавать вопросы по теме лекции, на которые преподаватель обязан давать достаточно определенные ответы в рамках данной темы и учебного предмета в целом. Конвенциональная сторона жанров в рамках дискурса тесно связана с феноменом дискурсных ролей, о которых будет сказано ниже.

Текстуальные признаки жанра характеризуют высказывание в плане структурности/композиционности его текста. Данные признаки малосущественны для элементарных речевых жанров (*первичных*, как их называл М. М. Бахтин²⁰) – их текстуальная структурность во многом сводится к лингвистической структурности (преимущественно синтаксической, но не только). В самом деле, структурные различия между вопросом и ответом в русскоязычной речи лежат в сфере языкового интонирования и, частично, в сфере порядка слов и собственно лексико-грамматического оформления высказывания. Гораздо большее, если не определяющее значение структура текста имеет для жанров, соотносённых с дискурсами высшего порядка, или для *вторичных* жанров, по М. М. Бахтину. Это положение достаточно очевидно – как очевидны структурные различия в текстах, положим, коммерческого договора и делового письма.

Кстати говоря, и интенциональная структура вторичных жанров несравнимо сложнее и иерархичнее коммуникативных интенций первичных жанров. К примеру, каковы интенции романа как жанра в рамках литературно-художественного дискурса? Каков, прежде всего, общий коммуникативный статус романских интенций? Очевидно, что интенциональность романа в целом расположена в поле эстетических коммуникативных стратегий, и собственные, присущие жанру интенции романа, отвечают общим и частным целям (стратегиям) эстетического дискурса. Здесь мы переходим к вопросу о соотношении жанра и дискурса, в ходе рассмотрения которого ответим и на частный вопрос об интенциональном характере романа.

---

¹⁹ Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах. С. 151—170.

²⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 239.

Жанр и дискурс

В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особенную, ему свойственную *коммуникативную стратегию*, – некую общую и в то же время специализированную коммуникативную *цель* и соответствующие ей дискурсивные *средства*²¹. Так, применительно к повседневному дискурсу можно говорить о коммуникативной стратегии *обыденного единения* людей посредством разнообразных форм прямого обмена текущей информацией, фатических коммуникативных актов и др. Применительно к образовательному дискурсу можно говорить о специфической коммуникативной стратегии *обучения и обмена опытом и знаниями*, что реализуется в различных дискурсных формах лекции, семинара, зачета, экзамена и др. (в варианте университетского дискурса).

Можно заметить, что мы в характеристике коммуникативной стратегии дискурса фактически пришли к терминологическому удвоению понятия жанра и дискурсной формы. Это, действительно, одно и то же, и далее мы будем преимущественно пользоваться привычным термином «жанр». Важно другое: коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода «гипер-интенцией» по отношению к интенциональным характеристикам жанров (напомним, *типов высказываний*), составляющих целое дискурса. Так, основная интенция лекции – прямая передача преподавателем нового знания студентам, основная интенция семинара – обмен мнениями и подготовленными суждениями студентов и преподавателя, основная интенция публичной защиты курсовой работы – выполнение квалификационного задания и демонстрация студентом уровня владения навыками научной дискуссии. Нетрудно видеть, что все названные интенции – жанровые, по своему существу, – укладываются в единое целое коммуникативной стратегии дискурса образования как такового.

Вернемся к эстетическому дискурсу, и, в частности, к дискурсу художественной литературы.

Литературное произведение, будучи полноценным высказыванием в составе эстетического дискурса, *сообщает* читателю *героя* как персонифицированное ценностно-смысловое целое, отвечающее определенным граням эстетической парадигмы эпохи (мы намеренно уходим от традиционного словечка *изображает*, поскольку изобразительная способность литературы далеко не очевидна). В повествовательной литературе герой сообщается через инстанцию персонажа, явленного, в свою очередь, через фабульно-сюжетный континуум нарратива. Роман как один из типов (многих и разных) литературных произведений (эстетических высказываний) являет нам своего, особенного героя, ценностно-смысловая формула которого – *частный человек, становящийся* в своем жизненном целом, понятием как его *судьба*.

---

²¹ Более развернутую модель коммуникативной стратегии дискурса см. в работе: *Тюна В. И.* Основания сравнительной риторики. С. 66–87.

Дискурсные роли

До сих пор в характеристиках высказывания и дискурса мы не касались проблемы *субъектов* того и другого. Этот вопрос сложный и неоднозначный: *кто* собственно и в рамках какой *инстанции* высказывается и в целом участвует в дискурсе – и в целом по этой проблеме мы отсылаем читателя к недавней работе В. И. Тюпы, включающей сопоставление концепций субъектности дискурса у М. М. Бахтина и М. Фуко²².

С другой стороны, достаточно однозначно можно выделить спектр *дискурсных ролей*, которые говорящий (пишущий), с одной стороны, и слушающий (читающий), с другой стороны, принимают в пространстве дискурса.

В самом деле, кто из нас не ловил себя на том, что в ситуациях обыденного общения, даже с самыми близкими людьми, мы по-разному, но при этом характерно беседуем о том и об этом, расспрашиваем о делах и здоровье, а о чем-то избегаем говорить, или говорим, наконец, о погоде, – не только и не столько потому, что нам *это действительно необходимо*, сколько потому, что *этого требует дискурс*. Мы не в силах выйти из властного поля дискурса, но нам этого и не нужно. Достаточно посмотреть на публичное поведение политиков и чиновников – в своей скованности правилами дискурса они напоминают средневековых рыцарей в тяжелых и неудобных латах (при этом раскрепощенные политические маргиналы только подчеркивают своим речевым шутством власть дискурса – но это особая тема).

Попробуем для примера назвать дискурсные роли субъектов образовательного дискурса в его университетской реализации. Преподаватели: *всезнающий, готовый ответить на все вопросы и обо всем рассказать* (это очень трудная роль, предполагающая либо действительно сверхэрудированного специалиста, либо индивида самоуверенного и не уважающего студентов), *ищущий внимания со стороны студентов* (что подкупает, но и растормаживает последних), *добрый и ищущий вместе со студентами «истину»* (что чаще всего бывает ласковой неправдой). Любопытно – но характерно для ролевой структуры дискурса – субъект может менять дискурсные роли, выходя за рамки определенного жанра. Тот же добрый и ищущий вместе со студентами «истину» преподаватель на экзамене вполне может превратиться в «*цербера*» (это тоже дискурсная роль). Студенты: «*ботаник*», *сидящий в первом ряду и все записывающий*; *непричесанный «гений», ничего не пишущий, но задающий тонкие вопросы*; *некто, живущий какой-то совсем другой жизнью, не имеющей отношения к предмету курса*, и др. (у студентов ролей больше, и при этом они более дифференцированы в гендерном плане).

Большой интерес представляют собой дискурсные роли в журналистском дискурсе, в котором они, как правило, теснейшим образом переплетаются с профессиональным и личностным целым журналиста. Особенно очевидна эта связь в жанрах тележурналистики. Например, с жанром аналитической передачи соотнесены такие дискурсные роли ведущего, как *эксперт* (либо отстраненный и только констатирующий факты, либо берущий право судить и выносить суждения и оценки – второе, кстати, больше нравится отечественному телезрителю), *резонер*, *иронист*, *критик* (в том числе критик добрый и критик злой – что тоже нравится больше). Возможны и приветствуются в этой сфере и полностью творческие решения – такова, в частности, дискурсная роль «*остранителя*» (прямо по В. Б. Шкловскому – рассказывать и комментировать так, чтобы читатель воспринял событие остраненно), которую разрабатывал в серии своих программ Леонид Парфенов.

Близкое к дискурсной роли понятие формулирует М. Л. Макаров, говоря о коммуникативных ролях как «более или менее стереотипных способах поведения и взаимодействия в

²² Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики. С. 66–87.

рекуррентных ситуациях общения»²³, однако это понятие задается исследователем не через начало собственно дискурса, а через антропоцентрическое начало «языковой личности»²⁴. В принципе, связь определенного репертуара дискурсных ролей и языковой личности коммуниканта действительно становится значимой в публичных по своему характеру дискурсах (как мы это видим на примере дискурса журналистики).

В. И. Карасик также говорит о «статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа» дискурса²⁵. Однако исследователь усматривает наличие таких «амплуа» только в институциональных дискурсах, мы же – и в «персональных», если пользоваться его терминологией (о дихотомии «институционального» и «персонального» в типологии дискурсов см. в следующем разделе, а также в заключении нашей книги).

Как можно было видеть, дискурсные роли достаточно очевидно соотносимы с жанровой системой дискурса, во всяком случае, реализуются они в рамках того или иного жанра, и испытывают тяготение к интенциональной стороне этого жанра.

При этом было бы неправильным сводить дискурсные роли к разновидностям поведения индивида в психологическом смысле этого слова: это именно *роли в пределах дискурса*, и один и тот же человек может выступать в рамках одного и того же дискурса (например, дружеского общения) раскрепощенным эксцентриком и заводилой, а в рамках другого дискурса (например, бюрократического) – строгим и закрытым формалистом и буквоедом. То же справедливо и в рамках одного дискурса: всем знакома своеобразная (и многообразная) семейная «риторика», в рамках которой дискурсные роли мужа и жены могут существенно меняться в зависимости от времени суток: одно дело вечером, перед тем как лечь в постель, и совсем другое – утром за завтраком. В соответствии с этим делением, вечером *быть занудой* – прерогатива дамской стороны, утром – скорее мужской.

Возвращаясь к проблеме субъектности дискурса, заметим, что в общем виде дискурсные роли имеют прямое отношение к категории «субъекта высказывания» по М. Фуко: «... один и тот же индивидум всякий раз может занимать в ряду высказываний различные положения и играть роль различных субъектов»²⁶.

Дискурсные роли также соотносимы с явлением, описанным Л. Витгенштейном и названным им «языковыми играми». Языковые игры Л. Витгенштейна иногда сближают с речевыми жанрами М. М. Бахтина²⁷. Однако, если судить по некоторым из примеров, которые приводит сам Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях», языковые игры оказываются существенно шире явления речевых жанров и жанров вообще, понимаемых как типы высказываний в рамках определенного дискурса. В самом деле, что такое, с точки зрения жанра, «размышлять о событии» или «острить, рассказывать забавные истории», или «переводить с одного языка на другой»²⁸? Предложим иную трактовку отношения языковой игры и речевого жанра – через понятие дискурсной роли. Языковая игра – это устойчивая связь жанровых практик и дискурсных ролей как двух взаимодействующих, но и достаточно независимых начал дискурса, или точнее: это проникающая сквозь жанровые практики траектория субъекта, облеченного в определенную дискурсную роль.

²³ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. С. 217.

²⁴ Там же.

²⁵ Карасик В. И. О типах дискурса. С. 11.

²⁶ Фуко М. Археология знания. С. 94.

²⁷ Руднев В. Винни Пух и философия обыденного языка. М., 2000. С. 16.

²⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М., 1994. Ч. 1 (23).

Множественность дискурсов

В качестве отправной точки в наших рассуждениях примем дихотомию персонального и институционального дискурса, предложенную В. И. Карасиком: «С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института»²⁹. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что определенные группы дискурсов не вписываются в рамки предложенной дихотомии: «Выделение персонального и институционального типов дискурса ставит перед исследователями много вопросов. Дискуссионным, например, является вопрос о том, к какому типу дискурса относится общение в стихийно складывающихся группах: пассажиры в купе поезда, покупатели в очереди, граждане, стоящие в толпе перед посольством за получением визы и т. д. Эти виды дискурса не являются персональными и по определению не относятся к институциональному общению»³⁰.

Достаточно очевидно, что основным дискурсообразующим (дискурсогенным) фактором выступает фактор некоей *общности* участвующих в дискурсной практике. Это может быть общность интерперсонального характера (семья, дружеская компания, влюбленная парочка, случайное знакомство и т. д.), общность ситуации (это те самые проблемные дискурсы «пассажиров в купе поезда», «покупателей в очереди», а также, в самом широком спектре ситуаций, дискурсы прохожих на улице и в других «общественных местах»), общность той или иной субкультуры (городская молодежь на «тусовке» или дискотеке, болельщики на футбольном матче, байкеры, толкиенисты, антиглобалисты, коллекционеры, автолюбители, а также представители различных «профессиональных цехов» – мы специально смешиваем возможные иерархии культур и субкультур, чтобы показать единство этого критерия для конституирования дискурса). Это может быть и институциональная общность людей, причастных в различных заданных позициях к одному и тому же социальному институту (см. выше определение В. И. Карасика). Наконец, различные типы дискурсных общностей могут совмещаться: интерперсональные дискурсы могут развиваться в среде институциональных (например, в форме дружеских отношений коллег или по классической схеме «служебного романа»), институциональные дискурсы могут обрастать субкультурными признаками (чаще всего профессиональными) и соответствующей дискурсной динамикой, сами же субкультурные дискурсы, как правило, реализуются во множестве устойчивых ситуаций.

Пожалуй, наиболее универсальным дискурсом с точки зрения критерия общности выступает повседневный, или, как его еще называют, обиходный дискурс. Повседневный дискурс в своей доминанте может быть интерперсональным и ситуативным, а также, как правило, ощутимо проявляется в дискурсных практиках субкультурного и институционального характера.

Остаются еще дискурсы культуры, которую называют *высокой* и достаточно условно делят порой на духовную и художественную (которая при этом мыслится, тем не менее, внутри духовной). К таким дискурсам относятся, с одной («духовной») стороны, этический, религиозный, философский и другие подобные дискурсы, с другой стороны, эстетический дискурс *художественного*, реализуемый в вербальных и невербальных формах художественной образности.

---

²⁹ Карасик В. И. О типах дискурса. С. 6. В новейшем исследовании вместо термина «персональный» автор предлагает термин «лично-ориентированный», в свою очередь подразделяемый на «бытовой» и «бытийный» (Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. С. 289—304.)

³⁰ Карасик В. И. О типах дискурса. С. 17.

Одной из особенностей данных дискурсов является их достаточно устойчивая связь с соответствующими социальными институтами. Особенно это характерно для религиозного дискурса, так что порой возникает желание (и достаточные основания) говорить о двух, пусть и взаимосвязанных, но различных дискурсах – дискурсе веры, интерперсональном и собственно персональном (во многих отношениях автокоммуникативном), и дискурсе церкви, служебном, институциональном³¹. Эстетический дискурс через формы осуществления художественной образности, а значит, через свои субдискурсы связан с институциональными началами литературы³², театра, музея, концертного зала, оперы, балета, кинематографа, наконец (в наше время), со средствами массовых коммуникаций (пресса, телевидение и интернет).

Вместе с тем, данные дискурсы – в своем конкретном воплощении, в произведении как высказывании, обращенном к читателю, слушателю, зрителю (будь то этический или философский трактат, проповедь или молитва, роман или лирическое стихотворение), – сугубо интерперсональны и тем самым преодолевают свою относительную институциональность.

Другим относительно независимым дискурсогенным фактором является *тема* (в другой трактовке говорят не о теме, а о *концепте* – см. работы В. З. Демьянкова³³). Тематическое начало выступает одним из первичных оснований для образования дискурса и поддержания его относительной стабильности. Тема может становиться доминантой дискурса и тем самым дифференцировать его – такие дискурсы, как правило, носят временный или периодически возобновляющийся характер, в зависимости от характера и продолжительности интереса к данной теме в сообществе, осуществляющем данный дискурс. Всякое чрезвычайное происшествие и всякая сенсация порождают временный тематический дискурс (катастрофы, теракты, общественные потрясения, с одной стороны, и смерти, преступления, измены, экстравагантные поступки, с другой стороны), всякая большая, значимая или, как говорят, «больная» тема является основанием для периодически возобновляющегося дискурса (демократические преобразования, коррупция властей, языковая, культурная и национальная политика, проблемы образования и здравоохранения и т. д.).

Специфика тематического дискурса такова, что он – как устойчивое говорение/письмо на определенную тему – реализуется, как правило, в рамках других дискурсов, носящих более универсальный характер своей тематической структуры. Таким образом, тематический дискурс выступает как субдискурс других дискурсов, и в особенности повседневного дискурса. Последний, как губка, втягивает в себя тематически ориентированные дискурсы, поддерживает и одновременно растворяет их в своем теле. Именно повседневный дискурс проверяет на выживаемость тематические дискурсы, оценивает их значимость и выстраивает их иерархию.

Итак, мы выделили, с одной стороны, типы дискурсов по признаку общности его участников – интерперсональные, ситуативные, субкультурные и институциональные дискурсы, и с другой стороны, тематические субдискурсы, которые носят структурно подчиненный характер и способны реализовываться в рамках других дискурсов. При этом следует заметить, что дискурсы духовной и художественной культуры весьма основательно разрушают только что построенную систему своим особым статусом и особым строем функционирования как в обществе в целом, так и в личностной сфере человека. Таким образом, первичные конститутивные факторы дискурса не находятся на одной плоскости и не носят универсального характера, и поэтому наша «кособокая» типология наверняка разочарует сторонников всего одно-

³¹ Ср.: Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 5–19.

³² Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. М., 1994.

³³ Демьянков В. З. 1) Англо-русские термины по прилингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. М., 1982. Вып. 39. С. 7; 2) Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.

мерно-двухмерного, симметричного и всеобъемлющего. В порядке оправдания можно сказать только одно: по ходу анализа мы будем уточнять наши представления о взаимоотношении дискурсов с учетом того, что дискурс – это феномен исключительно многомерный в своем функционировании и многофакторный в своей природе. Добавим также, что на основе проведенного ниже дискурсного анализа избранных текстов один из возможных подходов к типологии дискурсов, который мы назвали *многофакторной моделью*, будет изложен в заключении к этой книги – и в рамках этого подхода кособокость нашей первичной типологии окажется вполне закономерной.

Интертекстуальность vs. интердискурсивность

Текст – как двойник высказывания, как живая память о нем – репрезентирует высказывание в письменных дискурсах. Верно и другое: будучи явленным в письме, в печати, текст репрезентирует и дискурс как таковой, тот дискурс, который вызвал к жизни (т. е. к *высказыванию*, в буквальном смысле этого слова) и самый текст. Верно и третье: всякий текст *полиморфен* в дискурсном плане постольку, поскольку невозможно произвести высказывание в рамках одного и абсолютно чистого, однородного дискурса (или же для этого требуются специальные меры – как, например, защита законом текста паспорта). Всякий дискурс – в силу того, что существует и функционирует в системе других дискурсов – отражает в своем «телесном» составе, в репертуаре своих, в том числе возможных, высказываний, – другие и многие дискурсы, и следы этих отражений мы обнаруживаем в текстах³⁴.

Можно утверждать: чем более высокую позицию занимает дискурс в социокультурной иерархии, чем более сложен он по своему существу и составу, в своих стратегиях, тематике, в своей интенциональности и текстуальности, тем более широкий спектр других дискурсов, в том числе первичных и «низших», начиная от обыденных, он отражает – и несет в себе их текстовые следы.

---

³⁴ См.: Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. М., 1999. С. 267—268; Зенкин С. Н. Введение в литературоведение: Теория литературы. М., 2000. С. 65—66.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.